

- [Гидеон Эйлат](#)
 -
-

Гидеон Эйлат

Тени подземелья (Конан)

Так, значит, говоришь, самоцветы? — Конан недоверчиво поглядел на Косого.

— Разрази меня гром, если вру, — воздел руки Герат из Турана по прозвищу Косой, известный в Шадизаре вор; правый глаз у него смотрел чуть вбок, за что он и получил свое прозвище; в остальном же мужчина он был справный и видный: крепкий, высокий, мускулистый. Киммерийцу приходилось раз-другой участвовать с ним в делах — причем в делах весьма успешных, — и он знал, что туранец был весьма удачливым грабителем и лихим рубакой.

На мгновение варвар задумался. То, о чем рассказал сейчас Косой, очень уж походило на досужую выдумку. Самоцветы в Шадизаре! Нет, конечно, у торговцев их было много, но привезенных издалека: из Вендии, Офира, из южных стран. Сам Конан не раз опустошал сундуки богатеев, и в его ладонях побывали изумруды и рубины, агаты и опалы, халцедоны и сердолики — не перечесть сколько камней, разных по размерам и окраске, блестящих и матовых, на любой вкус.

Но чтобы здесь, в каком-то подвале, удачливый замориец напал на ладжауровую россыпь — это маловероятно. Ладжаур! Этот камень ценился не только за небесную голубизну, он считался магическим. В Заморе ходило поверье, будто тот, кто пьет из ладжаурового кубка, неподвластен болезням; женщина, носящая ладжауровое ожерелье, обязательно будет счастлива в любви и замужестве; кинжал с рукоятью, отделанной пластинами этого камня, всегда приносит удачу воину, хранит его в бою... Каждый мечтал иметь какую-нибудь вещь — на худой конец, просто пластинку — из голубого с прожилками камня.

Конан усмехнулся. Ладжаур привозят с далеких гор, лежащих далеко за морем Вилайет, а этот косой сын неизвестного отца утверждает, будто Дархун запросто добывает его в своем дворе!

— Не веришь? — переспросил Герат. — Смотри сам.

Из болтавшейся на плече полотняной сумки он вытащил засаленный платок. Когда тряпицу развернули, в широких, словно рачьи клешни, ладонях Косого оказался кусок необработанного камня величиной с голову ребенка.

— Нергал мне в печень, если это не ладжаур! — воскликнул варвар, повертив самородок в руках. — Какой крупный — выйдет хороший кубок или чаша! Где ты его взял?

— Я же говорю тебе, в сарае у Дархуна, — довольный, что удивил Конана, заулыбался туранец. — И, между прочим, он был там не последний.

— Откуда же тебе знать, что это он сам накопал, — продолжал сомневаться киммериец. — Ему, наверное, привезли с караваном, вот и все. Любите вы здесь всякие сказки, Нергалово племя!

— Я пошел к Дархуну не случайно, — наклонившись к уху варвара, понизил голос Герат. — Мне рассказал об этом брат Большого Кумрана — Дархун как-то нанимал его копать россыпь.

— Что ж вы не пошли вместе с ним? — недоверчиво спросил варвар.

— Да он исчез куда-то, я уже скоро год как его не видел. Кто знает, может быть, гуляет по Серым Равнинам, — захохотал Герат, его большое тело затряслось в такт раскатам смеха. — А я вспомнил об этом, заглянул к Дархуну — когда его не было, разумеется. И вот, нашел.

— Интересно... — Варвар откинулся назад, заложив руки за голову; на плечах вздулись бугры могучих мышц. — Может быть, ты и говоришь правду, но тогда этот Дархун должен куда-то сбывать свой ладжаур...

— А он так и делает, — усмехнулся Косой. — Спроси у камнерезов — у кого они берут голубой камень? Все знают Дархуна.

«Дело, похоже, стоящее, — размышлял киммериец. — Можно взять по мешку камней, а Ловкач сбудет их, кому надо».

— Пойдем вместе, — решил он, — но если что не так, пусть Кром будет свидетелем... — Он выразительно провел ребром ладони по шее: — Ты меня понимаешь?

— Все будет в порядке, — принял горячо убеждать Герат. — Он как раз завтра уезжает, вот и надо будет наведаться в гости. Клянусь Белом, нас ждет хороший улов!

На том и порешили. Выходя из таверны, варвар хотел было сходить к Ловкачу, договориться о предстоящем сбыте камня, но передумал. «Будет товар, будет и разговор», — решил он.

У него было дело поважнее: в «Улыбке» он на днях приметил новенькую девчонку — та посматривала на него более чем благосклонно. Кошелек Конана был еще не пуст, так что Нергал не шутит — надо, пожалуй, туда наведаться. Поправив перевязь с мечом, киммериец в самом отличном расположении духа бодро зашагал на восточную окраину Шадизара, туда, где вечером призываю зажигались огни веселого дома под многообещающим названием «Улыбка Иштар».

* * *

На следующий вечер подельники встретились на опустевшей базарной площади возле лавки Шелудивого Нарбека.

— Тут идти всего три квартала, — сообщил Косой. — Этим проулком до канала, а там через мостик — и в третий двор.

— Ладно, веди, да поможет нам Бел, — махнул рукой Конан.

Кривыми улочками они добрались до канала, за которым начинался квартал Восточных Врат. Было тихо, в теплом воздухе слышалось только стрекотание цикад, да иногда летучая мышь бесшумно и резко изменяла полет, на мгновение прикрывая перепончатым крылом полный диск луны. Первый двор был тих и пустынен; во втором же, напротив, сверкали огни, слышались смех, пронзительное взвизгивание женщин — гуляли, похоже, вовсю.

Подумав, что в этом квартале живет куда более веселый народ, чем у рынка или в Пустыньке, потому что им есть на что веселиться, Конан подтянулся и через каменную ограду осторожно заглянул внутрь. Сквозь ветви окаймлявших двор кустов он увидел большой бассейн, вокруг которого развалились на мягких подушках несколько уже

основательно подвыпивших гостей. Они развлекались тем, что бросали в воду золотые монеты, а плававшие в бассейне нагие девушки должны были доставать деньги со дна. Удачливая ныряльщица появлялась на поверхности с монетой в зубах и подходила к зрителям, которые тут же награждали прелестницу вторым золотым.

Конан с удовольствием понаблюдал бы за этой игрой подольше, но Герат потянул его за ногу:

— Пошли, надо торопиться! Если будешь на все плятиться, глядишь, и ночь пройдет...

Следующий двор был тем, куда они и стремились. Привычно перемахнув через забор, подельники мягкими шагами направились к невысокому, но обширному строению в глубине.

— Собак у него нет? — шепотом поинтересовался варвар.

Туранец отрицательно помотал головой, доставая из мешка железный стержень. Поддев дужку замка, он навалился на рычаг. Крак! Скоба вылетела из двери, путь — свободен.

— Пойду вперед — я помню, где тут что, — тихо сказал Герат и вошел внутрь.

Киммериец проследовал за ним, прикрыв за собой дверь. Косой зажег маленькую медную лампу, скучное пламя которой осветило обширное пустое помещение. Только в дальнем от входа углу стояли большой деревянный стол и два громадных сундука.

— В сундуках его камни, — тихо сказал Герат. — Ладжаур.

Конан мягкими шагами направился к противоположной стене.

«Отлично, — мелькнуло у него в голове, — всего то и дела, что набить мешки. Клянусь Белом, на редкость удачная вылазка. Может быть, даже слишком...»

Он сделал еще шаг, другой и... Пол под ногами словно разломился надвое, и киммериец полетел вниз, в кромешную темноту, безуспешно пытаясь зацепиться за что-нибудь и задержать падение. Затем он ощущил ногами ступени — но они уходили вниз почти отвесно, так что варвар кубарем покатился по лестнице, чувствуя на губах затхлую пыль подземелья. Когда падение наконец завершилось, Конан поднялся, машинально отряхивая с одежды пыль. Вроде бы он отделался легким испугом: ничего не сломал и даже не слишком расшибся — сказалась природная обезьянья ловкость. Несколько ссадин на локтях и на лбу не в счет — мелочь, бывало и похуже.

— Копыта Нергала! — выругался киммериец. — Надо же, угораздило... Герат! — позвал он.

Никакого ответа. Тихо, как в пустыне в знойный полдень. Варвар прислушался.

— Косой! Эй, Косой! Оглох, что ли? Брось веревку!

Наверху как будто все вымерло. Интересно, глубоко ли он провалился? Вытянув руки и осторожно нащупывая ногами пол, Конан сделал несколько шагов вперед. Стена! Он пошарил по ней: грубый камень, сухой; иногда под пальцами проступали острые грани, будто здесь работали киркой. Киммериец пошел вдоль стены, ощупывая ее руками. Пройдя так шагов десять, он достиг поворота. Вытянув вперед ногу, он нашупал носком ступеньку лестницы.

«Куда пропал этот ублюдок? — Тишина наверху начала доставлять ему легкое беспокойство. — Ладно, сейчас выберусь, дам ему как следует по морде».

Варвар ловко взобрался по крутым щербатым ступеням, но вскоре обнаружил, что подняться выше никакой возможности нет. С трудом балансируя на узкой площадке, киммериец ощупал руками колодец, ведший в дом.

Колодец оказался очень широким, нечего было и думать вскарабкаться, упираясь в противоположные стенки. К тому же поверхность была абсолютно гладкой: ни малейшей

щели, ни единого выступа... Уцепиться — даже человеку, который, как и Конан, съязмальства привык лазать по крутым киммерийским скалам, — было совершенно не за что.

— Косой! — крикнул еще раз Конан в надежде, что теперь его будет слышно получше.

Ответом, как и раньше, явилась тишина: ни звука шагов, ни шороха. Только гулкое эхо, словно дразня, повторяло его возглас, пока не затихло. «Да что же могло приключиться с этим косым шакалом? — задумался варвар. — Может, его пристукнуло чем-нибудь?...»

Конан пошарил под ногами, нашупал небольшой обломок и подбросил вверх — камень стукнулся о дерево люка, и киммериец попытался определить глубину подземелья. «Здесь локтей шесть-семь, — соображал он, — да по этой дурацкой лесенке еще ступенек десять. Всего, значит, локтей двенадцать. Ну и занесло же меня, хвост Нергала!...»

Он покричал еще раз, другой — и, поняв всю тщетность попыток призвать на помощь Герата, решил спуститься вниз: авось там найдется какой-нибудь инструмент. Не стоять же, в конце концов, как цапля на одной ноге, на узенькой, шириной в ладонь, каменной площадке... Варвар попытался поковырять стенки колодца острием меча, но наградой за старания послужили только несколько высеченных из камня искр.

В кромешной тьме он спустился, придерживаясь за шероховатые камни стены. Несколько раз из-под ног с писком высказывали крысы. «Только их и не хватало... Экие мерзкие твари!» — ругнулся про себя киммериец.

Внизу он добросовестно исходил всю площадку. Та оказалась небольшой, окружной, примерно шагов десять в длину и семь в ширину. Что-то под ноги попадалось, но никакого инструмента не обнаружилось: ни кирки, ни шеста — а именно на это надеялся варвар. В стенах варвар нашупал несколько углублений и две узкие, в руку толщиной, норы, но куда они вели — без света определить было невозможно.

Конан поднял один из валявшихся на полу предметов и, не поняв сразу, что он собой представляет, принял тщательно ощупывать.

«Так, легкий; гладкий с одной стороны, с другой какие-то отверстия... — размышлял варвар. — Одно, два... еще два — поменьше. Тринадцать рогов Нергала!» Он поцарапал палец об острую кромку. Что же это могло быть? Предмет небольшой, величиной со свинью голову... «Боги! — По спине киммерийца побежали мурашки. — Да это же череп! Конечно череп. Человеческий...»

Варвар сунул находку в одно из углублений стены. Пошарил по полу и нашупал еще пару таких же предметов.

«Да тут их полно! — Мысли лихорадочно заметались в голове киммерийца. — Похоже, великий Митра отвернулся от меня! Значит, мелкие предметы — это, без сомнения, кости — кости не меньше чем трех несчастных, побывавших здесь до меня!»

Конану приходилось попадать в разные переделки, но даже в самых безвыходных ситуациях он не терял надежды на спасение. Но сейчас — полный мрак. «И на самом деле мрак! — горько пошутил про себя варвар. — Темно, как у кущита в...»

Он представил, как будет сидеть в этой яме без пищи и воды. Интересно, сколько времени человек может так выдержать? Десять дней, пятнадцать? Да и какие здесь дни? Одна сплошная ночь... А потом? «Потом крысы за несколько суток дочиста обгладают мой труп, — невесело подытожил киммериец, — и косточки облизнут! Понесли же меня сюда демоны! Сколько раз говорил себе: не доверяй этим заморийцам. Так нет, опять потянуло! На всю жизнь теперь запомню: жадность и алчность до добра не доводят! А сколько ее у меня осталось, этой жизни?...»

Он скрестил руки на груди и прислонился к стене. Тишина. Только иногда где-то в щелях слышался то шорох, то слабый писк. «Крысы!.. Ждут, когда мною можно будет поживиться...» Голова раскалывалась от напряжения. Надо немедленно придумать, как отсюда выбраться. Но ничего подходящего на ум не приходило...

* * *

Сколько оностоял так в раздумьях? Время словно остановилось. Вдруг где-то наверху послышался шорох, потом явственно донесся скрежет железных рычагов. Мелькнула полоска света.

Моментально, как птица, киммериец взлетел по лестнице и очутился на узенькой площадке:

— Герат!

Он поднял голову. Люк был распахнут; незнакомый с пегой козлиной бородкой человек держал в руке фонарь, вглядываясь в темноту подземелья.

— А, вот и ты, баранья голова! — приветствовал он появление Конана. — Попалась птичка! Такой здоровый мне как раз и нужен! Спасибо тебе, Герат, — повернул он голову к собеседнику, которого Конану снизу не было видно, — прибыльного раба ты мне устроил!

«Ну, конечно! Они в сговоре! — пронеслось в голове варвара. — Косой, наверное, не в первый раз находит лопоухих вроде меня и продает их этому, как его... Дархуну. До чего же легкий заработок отыскал, ублюдок!»

— Косой! — крикнул он, и голос гулким эхом загремел в колодце. — Клянусь Кромом, ты еще пожалеешь об этом, я из-под земли тебя достану, потомок змеи!

— Ты себя сначала достань! — охладил его пыл Дархун; он затряс бородкой, заливвшись мелким дробным смехом. — Ну ладно, хватит болтать! Ты как, жрать хочешь? Воды?

Сколько времени прошло с момента его появления здесь, варвар не знал, но от вопроса этого вонючего ублюдка сразу же почувствовал и жажду, и голод. Видимо, он просидел в этой дыре довольно долго.

— Хочу! — Киммериец постарался (а что ему еще оставалось?) взять себя в руки и успокоиться. — Ну, а потом что?

— Ты что, еще не догадался, баран? — вопросом на вопрос ответил Дархун. — Все очень просто: кину тебе кирку, молоток, зубило. Будешь добывать мне ладжаур. Тебе ведь Герат об этом рассказывал?

«Вот оно что! Этот кусок ослиного деръма хочет, чтобы я ищачил на него там в подземелье, пока не сдохну!»

— Согласен! Твоя взяла. — Варвар решил не терять попусту времени; в голове у него уже вызревал план — вот-вот, и удастся ухватить ниточку.

— Сговорчивый, — усмехнулся Дархун. — А ты, Герат, говорил, что этот варвар строптивый...

— Наверное, подземелье всем добавляет послушания, — раздался голос Косого; он не показывался в просвете люка — наверное, боялся встретиться взглядом с Конаном. — Помнишь, как тот шемит, курчавый, три дня упирался, но все-таки согласился?

— А куда им всем деваться, курьим детям, — снова засмеялся Дархун. — Правда, работником шемит оказался никудышным. Сколько он протянул? Дней двадцать?

«Запугать хотите? Не дождитесь! — слушая их болтовню, скрипнул зубами варвар. — Клянусь Солнцеликим, не на такого напали! Я еще попляшу на ваших костях, ублюдки!»

— Принимай!

Сверху спустилась веревка, на конце которой были привязаны деревянное ведро, бурдюк с жидкостью и старый кожаный мешок с инструментами.

Конан отвязал все это и выжидательно глянул вверх.

— Это не все!

— Что тебе еще, сын шакала?

— Лампу забыл, верблюжья отрыжка! Ты хочешь, чтобы я копался в темноте, как крот?

— Ну, что ж, — согласился Дархун. — Косой, дай лампу, вон она там, на сундуке! Ты совсем сбил меня с толку своими баснями!

Он спустил киммерийцу большую бронзовую лампу, а также круглый медный диск.

— Если погаснет, постучи в диск молотком, а так я сам тебя буду вызывать. — сказал он напоследок. — И запомни, верблюжье охвостье: кормить стану, только если будешь рубить достаточно камня! Если нет, подохнешь голодным!

Под насмешливое фырканье Герата он закрыл люк, и нагруженный скарбом киммериец начал осторожно спускаться вниз в свое новое жилье. Ярость душила его, хотелось схватить этих мерзавцев и бить, бить, бить... пока не испустят дух! Однако в данный момент сила была не на его стороне и единственное, что оставалось — смириться. Пока, разумеется...

«Сколько времени мне предстоит тут провести? — мрачно спрашивал он себя. — Этот пегий козел прав в одном: сейчас я куда больше похож не на сына кузнеца, а на сына барана. Меня обманули, как ягненка, Нергалова блевотина! Тьфу!.. Надо же было так попасться!»

* * *

Теперь, когда зажег лампу, киммериец мог разглядеть свою темницу. Зрелице, признаться, было не слишком впечатляющим. Небольшая пещерка, локтей пять в высоту, в стенках — несколько небольших то ли ниш, то ли нор, усыпанных внизу мелкими камешками. «Здесь и рубили ладжаур», — догадался Конан.

Он поднес лампу поближе: действительно, в одном из углублений змеилась тонкая, уже ладони, жилка грязно-голубоватого цвета; в другом забое не было ничего интересного — только желтоватая порода в перемешку со вкраплениями серого камня. Варвар поднес лампу к одному из маленьких отверстий в стене. Язычок пламени слегка заколебался. «Понятно, — решил киммериец, — эта дырка сообщается с поверхностью».

Больше ничего интересного в новом жилище он не обнаружил, не считая разбросанных под ногами человеческих костей, обглоданных до состояния совершенной белизны. Валяющиеся на полу черепа скалились, будто насмехаясь над варваром. Зрелице было не очень-то приятным — киммериец, поморщившись, подумал, что ему совсем не хотелось бы выглядеть подобным образом через месяц-другой. В досаде Конан запустил в них камнем. В сторону, пискнув, метнулась крыса.

Варвар разобрал вещи, спущенные Дархуном. Бурдюк был полон воды, и Конан жадно приник к живительной влаге; только напившись, он почувствовал, как велика была жажда. Потом киммериец заглянул в ведро, решив проверить, какую еду прислал ему этот пегий козел. Прикрытая несколькими пресными лепешками, на дне стояла миска с бобами — и больше ничего.

— Шелудивый ишак! — выругался Конан. — Что же он думает, я с такой пищи буду на него работать?

Поразмыслив, он решил, что вряд ли стоит препираться с тюремщиком — толку большого все равно не будет, а время потеряешь. Варвар принялся за бобы, которые уже остывали и являли собой клейкую тепловатую массу. Он дочиста выскреб глиняную миску, да еще вычистил остатки соуса на дне куском лепешки. Когда ему еще дадут поесть!

В мешке оказался кожаный гамак, который киммериец подвесил, вбив в стену два железных стержня. Он лег, заложил за голову руки и погрузился в размышления. Подумать было о чем, к тому же разбросанные вокруг кости сильно способствовали мыслительному процессу.

«А что, если попробовать вбить несколько стержней в тот проклятый колодец, ведущий наверх? Тогда я смогу дотянуться до крышки люка и, может быть, открыть ее отсюда. Надо посмотреть!» Конан слетел с гамака и, схватив лампу, вскарабкался к подножию колодца. Посветив, он увидел, что этот замысел не пройдет.

— Нергалово отродье! — Он еще раз ощупал стенки колодца. — Железные! Богатый, сын греха!

Раздосадованный неудачей замысла, варвар прикинул расстояние до люка. Может быть, удастся подпрыгнуть и схватиться за поднимающий створки рычаг? Нет, высоко! Локтей десять, не меньше...

Он спустился вниз, в пещеру, лихорадочным взглядом обвел все предметы, которые были в беспорядке разбросаны по полу. Так... Кирка, молоток, несколько железных стержней, лампа, бурдюк, ведро, миска... Все! «Небогато, — подавленно подумал Конан. — Что же делать, копыта Нергала мне в печень?»

Он снова вскарабкался по осыпающимся под ногами ступеням и внимательно осмотрел стенки колодца и едва выступающие из них рычаги. Если сплести веревку и попробовать за них зацепиться... Киммериец поднял лампу повыше, пытаясь рассмотреть, насколько выступают железные стержни над поверхностью люка. Нет! И думать нечего. Там даже пальцу не зацепиться. «Что же делать? Что делать?... — стучало в висках. — Надо придумать, иначе...» Он бросил взгляд на белеющие внизу остатки костей.

Варвар спустился вниз, прикутил фитиль лампы — масло следовало поберечь — и вновь улегся в гамак. В голове вихрем проносились планы, иногда самые невероятные и фантастические, но киммериец старался направить свои мысли на дело.

«Думай, думай, лопоухий баран, — подстегивал он себя, — или твой обглоданный череп будет валяться на земле рядом с другими...» Услышав слабый шорох, Конан взглянул вниз: несколько здоровенных крыс облепили миску в надежде поживиться чем-нибудь съестным.

— А, чтоб вас! — взревел варвар и запустил в мерзких тварей ножом. Не попал, разумеется; раздался визг, крысы юркнули в щели пещеры.

«Да от них здесь житья не будет, — подумал Конан. — Еще не хватало, чтобы во сне у меня что-нибудь отъели! Тут и гамак не поможет...»

Он слез со своего ложа и принялся обломками камней затыкать многочисленные дыры,

щели и лазы, которые обнаружил в стенах.

«Теперь полегче будет», — закончив работу, решил он и вновь забрался в гамак — думать. Однако усталость и бессонная ночь взяли свое; веки варвара слипались, он пытался бороться со сном, но тщетно — через некоторое время в тишине пещерки слышалось только мерное дыхание.

* * *

Конана разбудил скрежет механизма, раздвигающего створки люка.

— Что, сын шакала, — раздался сверху голос Дархуна, — спиши? Пора работать, уже утро! Даром кормить я тебя не буду!

Киммериец поднялся наверх.

— Давай сюда ведро! — скомандовал хозяин. — Сегодня ты должен нарубить полную миску камня — тогда завтра утром я обменяю ее на похлебку, иначе ешь хоть песок, пока не сдохнешь!

Варвар сжал кулаки, но промолчал. Съев пойло, которое Дархун называл бобовой похлебкой, он принялся рубить породу, выковыривая и складывая в миску синие осколки. Дело спорилось, вскоре он уже нарубил емкость с верхом и остановился, опершись на кирку. Он до сих пор еще не придумал, как отсюда выбраться, и это не давало покоя. Не проводить же всю жизнь здесь, рудокопом! Конан даже заскрипел зубами от сознания собственного бессилия.

Он посмотрел на углубление в стене, которое вырубил, добывая этот Нергалов ладжаур. Боги! Его осенило — надо прорубить себе ход наверх, и дело с концом! Киммериец посмотрел на горку пустой породы, которая выросла на полу. Дней десять, ну от силы пятнадцать — и он, словно крот, пророет себе выход из этого подземелья. Варвар смахнул со лба внезапно выступивший пот. Неужели?... Неужели все так просто?

Конан опустился на пол, стараясь взять себя в руки и собраться с мыслями. «И что бы этой идеи не прийти мне в голову пораньше? — укорял он себя. — Дрыхнул, как сурок, а мог бы уже прорубиться на пару локтей вверх!»

Киммериец бросился к стене, чтобы, ни мгновения не мешкая, начать работу, но внезапно остановился. В каком направлении рубить? Можно копать и копать ход — а потом обнаружится, что наткнулся на фундамент или бревенчатый пол, которые хоть зубами грызи, не пройдешь. Правда, меч и кинжал были при нем, но это все же не пила и топор. Конан задумался. «Вспоминай, бараний сын, вспоминай! — подгонял он себя. — Как вошли во двор, в какой стороне этот дерымовый сарай, где в сарае люк...»

Киммериец наморщил лоб, стараясь представить, как расположена его пещерка по отношению к дому и как дом стоит во дворе. Мысли лихорадочно заметались, восстанавливая картину событий позапрошлой ночи: здесь перемахнули забор, затем взяли правее, вход в дом...

«Ублюдок! — Воспоминания о Герате на миг отвлекли его, мешая сосредоточиться. — Ты еще сильно пожалеешь об этом, шакал косоглазый!»

Конан схватил бурдюк с водой и жадно к нему приник — во рту пересохло от

напряжения. Надо успокоиться! Киммериец сел на пол, обхватив голову руками. «Спокойно, спокойно, здесь не гладиаторская арена, — уговаривал он себя, — можно не спешить. Думай, ублюдок! Если уж у тебя хватило ума попасть в такой переплет, будь любезен сообразить, как отсюда выбраться!»

Киммериец вдруг вспомнил, как его приятель и подельник Нинус чертил на песке рисунок, Правильно! Надо не спеша все нарисовать — так же, как тогда Нинус: забор, двор, дом; все вспомнить, хорошенько подумать...

Конан расчистил на полу место поровнее и провел кинжалом первую линию: забор, идущий вдоль улицы. Затем он постепенно усложнял рисунок, нанося на него двор, дом, люк; пытался припомнить их взаимное расположение. Он чертил, стирал линии подошвой, вновь проводил — в пещере слышались только шумное дыхание, скрежет ножа по песку и шорох подошвы сапога.

Дело шло довольно споро, вскоре он уже смог выбрать то место стены, где следовало начинать. «Пожалуй, отсюда, — Конан еще раз проверил свои рисунки, — и тогда я вылезу в угол дворца, почти возле изгороди». Решив такую нелегкую и потребовавшую напряженной умственной работы задачу, он остался вполне доволен собой.

Поплевав на руки, он схватил кирку и с размаху вонзил в стену пещеры. Полетели куски породы — киммериец вгрызался в землю, словно червь.

Сколько он так проработал, определить было трудно, но вскоре ниша достигла примерно двух локтей в глубину. Варвар остановился передохнуть. «Наверное, уже вечер, — подумал он. — Нер-гал мне в печень — ни солнца, ни луны, ни времени... Как узнать, то ли утро, то ли ночь...»

Конан задумался. Можно прорыть ход — и ровно в полдень вылезти из-под земли прямо к поджидающим тебя Дархуну или Герату. Вот смеху-то будет! Пока глаза продираешь, тут тебя и огроют по черепу чем-нибудь тяжелым; да к тому же и не убьют, наладят опять в рудокопы... Конан даже зубами заскрипел, представив себе эту картину. Нет, вылезать надо ночью, когда эти ублюдки спят. Но как узнать, когда день, а когда ночь?

Этот вопрос доконал киммерийца. Даже голова заболела от напряжения. Он бросил инструмент и завалился спать, решив отложить решение вопроса на завтра — вдруг боги подбросят ему какую-нибудь стоящую мысль?

* * *

На следующее утро — или не утро, вопрос определения времени все еще оставался для Конана неясным — он поднялся до того, как скрипучий механизм открыл люк. Чуть заслышив движение наверху, киммериец с ведром и миской камня уже ждал на узкой площадке под колодцем.

— Хорошо, — похвалил его Дархун, подняв добычу наверх, — если будешь каждый день так работать, может быть, прибавлю тебе еды, киммерийский ублюдок!

— Сколько сейчас времени?

— Какая тебе разница? — пожал плечами хозяин. — У тебя всегда темно, если я не дам масла для лампы, а поскольку я его даю, можешь считать, что живешь только днем. Но если

уж тебе так интересно, то сейчас утро.

Утро. Значит, он здесь две ночи и два дня. Конан спустился вниз и сделал на кирке две зарубки кинжалом — вести счет суткам будет нелишним.

Киммериец опять поел бобов и запил их водой из бурдючка. «А как хорошо готовят баранью лопатку у Абулетеса, — взгрустнулось ему. — Когда-то еще придется попробовать?» Бурдючик с водой был старый, по шву сочилась вода. «Надо подставить миску, чтобы не пропадала зря», — подумал варвар.

Он повесил бурдюк на стену, подставил миску и принялся за дело. Сначала предстояло наколоть камня этому пегому козлу. Дело шло туда, жила становилась все тоньше и тоньше, и киммериец намаялся, пока добыл нужное количество. К тому же камень пошел не очень хороший: зеленоватый, со вкраплениями белого. «Нергал ему в задницу! — мысленно выругался варвар. — Еще не хватало, если этот проклятый камень кончится».

Пообедав лепешкой, Конан запил ее водой и повесил бурдюк на место, заметив, что из него накапало уже почти полмиски. «Вот и время узнаю, — осенило киммерийца, — посмотрим, сколько накапает до следующего утра».

Довольный своим открытием, он в хорошем расположении духа принялся за работу. За свою работу! Порода попадалась разная — где большие куски охотно отваливались под сильными ударами кирки, где приходилось попотеть, но дело спорилось. Он настолько углубил свой лаз, что пришлось сделать упор для ног, потому что до пола было уже не достать. Единственное, что было плохо, — это духота. Дышать в его забое было совершенно нечем, и приходилось часто сползать в пещерку, чтобы перевести дух.

В миске накапало уже гораздо больше половины, и варвар решил, что пора и ко сну — тем более что усталость давала о себе знать. Во сне перед его глазами неотступно мелькало острие кирки, падали камни и летели крошки породы.

— Эй! — послышалось сверху.

Конан вскочил с гамака, протирая глаза. «Заспался! — промелькнуло в голове. — Это Дархун». Он бросил взгляд на миску: та была почти полна. «Так! Значит, сутки прошли», — подумал киммериец, поднимаясь наверх. Он насыпал добытый ладжаур в ведро и привязал его к спущенной веревке.

— Что-то плохие у тебя камни! — недовольно заблеял пегий. — А где миска, свинское отродье?

— Разбилась, — невинным голосом ответил киммериец. — Глина же. Что у тебя, деревянного блюда нет, что ли?

— Не напасешься на вас, ублюдков, посуды, — заворчал Дархун, однако спустил еду в новой миске; еда, правда, была прежняя, бобы в соусе. — И смотри у меня, крот, — посмеиваясь, напутствовал хозяин, — камни должны быть получше, иначе... сам понимаешь, я тебя предупреждал.

Люк захлопнулся, и варвар, радуясь, что теперь у него есть средство определять время, спустился вниз, даже не обратив внимания на дурацкие Дархуновы шутки.

Покончив с завтраком, варвар перелил обратно в бурдюк воду из миски и сделал на кирке новую зарубку. «Третья, — отметил он. — Еще три-четыре, и эти отрыжки бешеного верблюда получат неплохой сюрприз».

Мысль о том, что скоро он выберется отсюда, привела киммерийца в хорошее расположение духа, но вот оскудение ладжауровой жилы заставляло сильно беспокоиться. «Допустим, я не буду давать ему камень, а он не будет давать мне еду, — прикидывал

Конан. — Три-четыре дня я без пищи простоян, не впервой. Но свет, он же не даст масла для лампы! — Эта мысль заставила варвара похолодеть. — А в темноте многое не нарубишь... Это почти конец, но выхода нет, надо провести туннель как можно дальше. Плевать на его бобы! Пусть сам жрет это пойло, шакал пегий!»

Он начал рубить проход, решив, что потом наколет немного камня — как уж получится. Может быть, еды этот ублюдок все-таки даст. Но главное — это своя работа, не подыхать же здесь!

Поначалу работа шла легко: проход углублялся и углублялся, и вот его длина уже достигла двух Конановых ростов.

Киммериец сполз вниз, раскидал породу по полу, потому что куча стала так велика, что заполнила всю середину пещерки. Он посмотрел на свой измеритель времени: скоро уже и вечер, надо пробить еще хотя бы на локоть.

Вернувшись в свой лаз, варвар приладил лампу и полулежа начал долбить дальше. Порода попалась крепкая, почти не поддающаяся ударам кирки. В чем дело, неужели напал на гранит или что-то в этом духе? Конан поднес лампу поближе к камню. Ладжаур?! Он стер пыль, взглядываясь повнимательней. Сомнений не было — это жила голубого камня. Киммериец стал острием кирки раскапывать породу, стараясь определить, как расположен ладжауровый слой. Жила уходила куда-то вниз и вбок и была очень богатой — локоть, даже больше локтя толщиной. «Благодарение Митре! — возликовал киммериец. — Какой камень! Из него можно сделать великолепные чаши! А сколько они будут стоить!»

Он сполз вниз и присел отдохнуть, продолжая представлять себе, какую вещь можно сделать из такого большого камня. Однажды он видел в доме у какого-то купца такую чашу, но не взял, потому что вещь хоть и дорогая — очень дорогая! — но слишком приметная; замучаешься потом продавать. Обычно ладжауровые изделия стоили столько серебра, сколько могли вместить, — а это много, очень много. «Надо будет говориться с этим ублюдком! — решил Конан. — Никуда он не денется, не сможет отказаться от большого куска ладжаура! Может, удастся даже вина вытребовать!»

Он уже четвертый день без вина! Только вода из этого вонючего бурдюка! Демоны! Конан взглянул на миску: больше половины. Варвар вернулся в свой забой и, пользуясь молотком и металлическими стержнями, которыми снабдил его Дархун, выковырял огромный кусок ладжаура — величиной с бурдюк. Радуясь удаче, киммериец наколол большую кучку камней помельче. «На пару дней хватит, — подумал он, — а там, если не оставят своей милостью боги, они уже и не будут больше нужны...»

Заснул он очень довольный, хотя в животе и урчало от голода — количество бобов было, может, и достаточным для бездельничающего заморанца, но уж никак не для работающего в поте лица киммерийца.

* * *

Видимо, хорошее настроение действует на продолжительность сна: на следующее утро киммериец проснулся гораздо раньше, чем Дархун завозился наверху у люка. Ополоснув лицо, варвар почувствовал себя на удивление свежим, словно и не просидел четверо суток в

душном подземелье.

— Ну что, сын крысы? — приветствовал его Дархун.

— Сам ты гадючий сын, — не остался в долгу киммериец. — А вот это видел?

Он поднял на руках голубой монолит, и очередные ругательства, готовые сорваться с Дархуновых губ, словно наткнулись на препятствие: пегий только изумленно замычал.

— Ну что? — торжествующе продолжал варвар. — Хочешь такой камешек?

— А он и так мой. Куда ты денешься?

— Врешь, помет шелудивой верблюдицы, — удовлетворенно отозвался варвар. — Смотри, сейчас трахну его о стенку, и будет тебе много-много маленьких камешков на бусы девушки.

— Стой! — завопил Дархун, протягивая вниз руки. — Стой! Я не дам тебе еды, если ты это сделаешь!

— Подавись ты своими бобами! — не сдавался Конан. — Вот они где у меня! — Он провел ладонью по шее. — Жри их сам, а за такой камень мог бы дать и чего-нибудь поприличнее. А не хочешь, как хочешь. Спускайся сюда и руби сам!

Киммериец сделал вид, будто разговор окончен, и стал медленно спускаться, оставив монолит на площадке — пусть этот недоносок посмотрит хорошенко!

Прошло некоторое время.

— Киммериец! — услышал Конан.

Он вскарабкался по лестнице и взглянул вверх. На веревке спускалась большая бадья, из которой доносились призывные ароматы, искусившие бы желудок любого неравнодушного к пище человека. В душе Конан возликовал, но виду не подал. Не спеша, обстоятельно поставил он бадью на площадку и заглянул внутрь. Запахи не обманули: громадный кусок копченого свиного бока, свежие лепешки, аппетитно прожаренная, только что с вертела, курица и большой кувшин вина. «Ишь как его скрутило, — пробуя напиток, подумал варвар. — Наверное, свой завтрак отдал, проклятый ублюдок. Хм-м, а винцо-то недурное». — Он приложился к кувшину еще раз.

— Ладно, сегодня боги милостивы к тебе, — захотел киммериец, — так и быть, принимай!

Он запихал монолит в бадью, и сияющий от счастья Дархун принял вытягивать наверх свою тяжелую добычу.

— Если будешь хорошо себя вести, — напомнил варвар, — то, может быть, тебе повезет еще разок.

Камень — чуть поменьше этого — был уже заготовлен и лежал в углублении пещеры.

Варвар спустился в подземелье и неспешно, смакуя, приступил к трапезе. Он мог бы сожрать все это в один присест, однако с сожалением прервал столь приятное занятие: надо и о будущем подумать — кто знает, может быть, и лишний денек придется здесь провести. Конан еще отхлебнул из кувшина и растянулся в гамаке, чувствуя в утробе приятную тяжесть. Он даже замурлыкал про себя какую-то слышанную в далеком детстве киммерийскую песенку, но тут же прервал это занятие и рассмеялся: «Увидел бы кто меня сейчас, так непременно подумал бы, что мозги у парня пошли набекрень, — сидит в вонючей пещере здоровенный баран и распевает детскую песенку. Хватит петь, пора работать».

Он последовал собственному совету, и дело пошло: камни, песок, глина так и летели из-под острия кирки. Прерывая работу лишь затем, чтобы на некоторое время вылезти из своего лаза подышать, варвар вкалывал так целый день. «Целую миску», — поправил он себя. И был

прав, ибо миска почти наполнилась. Значит, наступила ночь. Конан почувствовал, что спасение близко: пошел почти сплошной сыпучий песок со вкраплениями беловатой глины. Он еще раз долбанул киркой, еще... Послышался удар о какое-то препятствие.

«Это еще что? — нахмурился варвар. — Неужели попал в фундамент или колодец?»

Он поднес светильник поближе и расчистил рукавом песок. В неярком свете лампы забелела шероховатая мраморная плита. Варвар отколол немного породы, стремясь обнаружить ее край. Короткое усилие, несколько комков глины полетели вниз, и наконец Конан увидел тонкий ровный шов и еще одну такую же уходящую в песок плиту.

«Демоны меня сожри! Что я, в склеп какой-то попал? Вроде бы не было там во дворе кладбища...»

Конан спустился вниз за молотком и принялся расчищать шов при помощи металлического стержня. Проковыряв отверстие, варвар засунул в него конец кирки и нажал. Он не видел, но почувствовал, что плита слегка подалась. Тогда киммериец нажал сильнее. Что произошло далее, он сразу не смог сообразить. Тоненькими струйками потекла вода, Конан нажал еще раз, откуда-то из-под плиты ринулся настоящий поток, и в мгновение ока он оказался на полу пещеры, которая превратилась в кипящий водоворот. Вместе с водой вниз хлынули комья глины вперемешку с обломками мраморных плит. Вода прибывала так быстро, что через несколько мгновений варвар уже не доставал ногами дна.

* * *

«Тьфу! — выплевывая воду, он старался удержаться на плаву — в полной темноте, не видя даже, до какого уровня поднялась вода. — Вечно мне не везет. Вот теперь в колодец попал, рог Нергала мне в задницу!»

Варвар поплыл вдоль стены, пытаясь определить, как высоко стоит вода. Ощупывая рукой шершавый камень, он надеялся найти или углубление, где проходила жила голубого камня, или начало лестницы, или проход, который прорубил для бегства. Ничего этого не обнаружилось. «Значит, вода очень высоко, почти под самым сводом», — подумал он.

Киммериец перевернулся и поплыл на спине, подгребая одной рукой, а второй попытался достать до потолка. В нескольких местах это ему удалось.

«Клянусь печенью Крома, дело неважно. Остался только небольшой пузырь воздуха, а все остальное залито, — размышлял он в полной темноте, лежа на спине на поверхности своего подземного пруда. — Если вода не уйдет, а уходить ей некуда, то долго я здесь не протяну: слишком мало воздуха. Надо что-то предпринимать».

Он нырнул и попытался все-таки найти свой лаз, здраво рассудив, что по нему можно будет выбраться в колодец — если это действительно был колодец, — из которого прорвалась вода.

Касаясь руками стен, киммериец обнаружил отверстие и поплыл внутрь. В кромешной тьме было невозможно увидеть, куда оно ведет, но по узости прохода варвар понял, что не ошибся. Он поднялся наверх и наткнулся на что-то твердое. «Копыта Нергала! Это же обломок мраморной плиты!» — догадался Конан.

Он не ошибся и на этот раз. Поток воды сдвинул плиту, переломил, и мрамор почти

закупорил лаз, который киммериец с таким трудом пробил сквозь толщу камня, песка и глины.

Воздух в легких кончался, варвар с трудом выбрался из своего лаза: сделать это в воде было гораздо тяжелее — он едва успевал погрузиться, как вода снова выталкивала его наверх. В голове шумело, глаза выскакивали из орбит. Наконец, помогая себе руками, цепляясь, как белка, за каждый выступ, он, слава богам, все-таки сумел выбраться из лаза.

Вынырнув на поверхность, Конан долго переводил дух, лежа на спине, пока снова не собрался с силами. Он набрал в грудь побольше воздуха и опять опустился на дно. Пошарив по стенам, киммериец нашел лестничный проход и попытался подняться по этой залитой водой трубе. Путь занял довольно много времени, и на воздух он вынырнул, как показалось, гораздо выше, чем свод его пещеры. «Наверное, я в колодце, где люк!»

Эта мысль порадовала его — тем более, что подтверждение обнаружилось сразу. Он ощупал стены — точно, колодец! Под пальцами была гладкая металлическая поверхность, по округлости чувствовалось, что это почти ровная труба. «Узнать бы, как далеко люк от поверхности воды? — пришла в голову мысль. — Может, удастся выбраться в этот сарай, будь он неладен?»

Только как это выяснить? Конан лежал в широком колодце: вытянув руки за голову, он почти доставал его противоположные стенки — стоило слегка шевельнуться, и варвар сразу же касался гладкого металла либо ногами, либо кончиками пальцев.

* * *

Положение было не из лучших. Конан представил себе, как утром Дархун откроет створки люка и обнаружит его — лежащего на воде брюхом вверх, словно снулая рыба. Хорошо, если он еще продержится на плаву до утра. А если нет? Киммериец не похолодел от этой мысли только потому, что в воде и так было достаточно прохладно. «Надо что-то придумать? Но что?» — лихорадочно соображал он.

Варвар нырнул и спустился в пещерку. Пошарил по дну, нашел камень и тем же путем вернулся в колодец. Подбросил камень вверх. Стук о дерево и всплеск воды раздались почти одновременно. «Ого! Люк совсем близко!» — возликовал киммериец.

Но как достать до него? Еще и темно, хоть глаз выколи... Конан снова нырнул и принялся шарить по дну пещеры. Он повторял это несколько раз, всплывая лишь затем, чтобы глотнуть воздуха в оставшемся под сводом тесном пространстве. Наконец ему повезло: он нашупал кирку и вернулся в колодец, держа ее в руках.

Варвар опять лег на спину и попытался киркой достать люк. К его удивлению, это удалось сделать, даже не вытягивая рук. «Так! Значит, два или два с половиной локтя, — подсчитал он, — теперь надо придумать, как зацепиться за рычаги». Киммериец попытался вспомнить, как они расположены. Броде бы острый конец кирки просунуть можно... Он немного отдохнул и попытался найти рычаг. Удалось это быстро, но вот как зацепиться? Варвар пытался несколько раз, но безуспешно. «Ну, что ж, может, это и к лучшему! — решил он. — Ну зацеплюсь, а что дальше? Так и висеть, словно летучая мышь? Всю ночь, пока не придет этот пегий ублюдок?»

Конан нырнул в очередной раз, оставил кирку на площадке, а сам принялся искать на дне оружие. Он нашел меч, потом нож и подтащил их на площадку рядом с киркой. Теперь ему пришла мысль нарезать из гамака ремней и привязать к рукояти кирки, чтобы как-то устроиться на весу.

Так он и поступил. Прежде чем удалось отвязать гамак, пришлось нырнуть несколько раз. Потом, вернувшись в колодец, киммериец опять лег на спину и принялся разрезать кожу на ремешки, связывая их вместе. Далось это нелегко (то вырывался нож, то выскальзывала из рук кожа — все-таки многочасовое пребывание в воде давало себя знать), но в конце концов он ухитрился-таки привязать к рукояти кирки несколько прочных ремней. Получилось что-то вроде многохвостой плети.

Теперь предстояло самое трудное: каким-то образом просунуть острие кирки между рычагом и люком. Сколько времени провозился он с этим, одним богам известно, но после множества попыток это удалось.

— Спасибо, Солнцеликий, — вознес киммериец хвалу Митре и, подтянувшись на руках, достал до люка.

Сделано! Конан связал концы ремней, так что получилось некое подобие подвесного сиденья.

Теперь можно было вылезти из воды. Он устроился поудобнее в своем плетеном гнезде. Поначалу варвару было даже как-то странно ощущать воздух, охвативший его тело после многочасового пребывания в воде. Он задумался, что делать дальше. Вдруг киммериец почувствовал волчий голод. Немудрено: ведь он не ел с утра, а сейчас, наверное, уже и ночь на исходе. «Придется снова поплавать, Нергал мне в жабры!» — мысленно выругался Конан.

Снова он погрузился в глубину знакомых уже вод. Окорок и лепешки так и лежали на дне, прикрытые глиняной миской. Лепешки, правда, размокли и превратились в тесто, но окорок был в полном порядке. Киммериец опять устроился в своем гнезде и впился зубами в аппетитное копченое мясо. Обгладав кости, он вспомнил о вине:

— Кром! Там же должно было остаться не меньше полкувшина!

Варвар снова нырнул, лихорадочно вспоминая, заткнул ли горлышко пробкой, — ведь если нет, вино пропало безвозвратно. Ему повезло: кувшин стоял на прежнем месте в углублении стены, и даже низвергшийся сюда поток не перевернул и не разбил сосуда.

Вернувшись наверх, киммериец собрался было насладиться вином, но вспомнил о мече. «Совсем спятил! — выругал себя Конан. — Хорош бы я был, вылези наверх безоружным!» Пришлось нырять еще и еще, пока он наконец не устроился окончательно и принялся ждать, небольшими глотками попивая вино. Оно все-таки оказалось хоть чуть-чуть, но разбавленным — видимо, он недостаточно крепко воткнул затычку; однако пить можно. «Все же дела не так плохи, — размышлял варвар, покачиваясь на своих качелях, — значит, боги не отвернулись от меня, а это хороший знак. Знать бы еще, что сейчас наверху? Может быть, уже и утро подходит?»

* * *

Ждать пришлось долго, а может, Конану просто показалось, что прошло много времени,

пока его чуткое ухо уловило наверху неотчетливые звуки. Видимо, кто-то — скорее всего, Дархун — шел по двору. Так и есть! Шаги стали громче, вот уже его туфли стучат по полу чуть ли не над самой головой. «Идет небось, надеясь получить еще один большой синий камень! — засмеялся киммериец. — А я тебе подготовил подарочек получше, червь вонючий!»

Шаги наверху раздавались то слева, то справа, то позади: видимо, Дархун занимался своими делами, что-то брал, переставлял, ронял на пол. «Когда же ты, подлец, зайдешься мною?» Варвар уже начинал терять терпение, но делать нечего — приходилось висеть и ждать.

Наконец послышался скрежет металла, и Конан почувствовал, как двинулись тяжелые створки. Из раскрывшейся щели брызнул поток света — глаза киммерийца, отвыкшие от солнца, невольно зажмурились. Створка опускалась все ниже и ниже, вот уже щель стала достаточной, чтобы просунуть руку. Сгорающему от нетерпения варвару мгновения эти казались вечностью. Еще шире, еще...

Конан изогнулся дугой и выбросил ноги вперед — к противоположной створке. Зацепившись ногами за край доски, он сжался в комок, стремительно подтянул тело к коленям и расправился, проскользнув наружу. Перевернувшись с ловкостью кошки, он встал на четвереньки и взглянул перед собой. Дархун стоял спиной к люку подле открытого сундука и крутил находящуюся внутри рукоятку, которая соединялась со стержнями, двигавшими створки. Ход рычагов, по-видимому был тяжелым, и поглощенный своим делом Дархун не слышал, как за спиной, словно демон из чрева земли, восстал киммериец.

Варвар выпрямился и громко, во всю силу легких, гаркнул:

— С добрым утром, ублюдок!

От неожиданности тот вздрогнул, а повернувшись, застыл как изваяние. Вид голого — а каким же еще может быть человек, проведший целую ночь в воде? — киммерийца с мечом в одной и кинжалом в другой руке вызвал у бедняги состояние подобное тому, что чувствует мышь перед раскрытым пастью змеи.

— Па... га... ба... да... — Только эти звуки и мог произнести затрясшийся всем телом Дархун. Волосы на голове и пегая бороденка встали дыбом, словно шерсть у испуганного кота.

— Что у нас на завтрак? — осведомился варвар, как будто дело происходило в тавerne или на постоялом дворе.

От такого вопроса Дархун задрожал еще сильнее, в голове у него помутилось, и он медленно осел рядом со своим сундуком.

— Экий ты хлипкий, — радостно захохотал киммериец. — Что, язык отшибло? — встряхнув хорошенъко своего мучителя, спросил он.

— Не убивай! — взмолился очнувшийся Дархун. — Я все тебе отдам, все, что запрошишь, только пощади!

— А ты меня пощадил? — грозно спросил варвар. — Ты обманул меня, пегий ублюдок, заманил сюда! Где это отродье шакала?

— К-к-какое?

— Такое! Где Герат, твой подельник?

— Он ско-ско-скоро при-придет.

— Ладно, — махнул рукой киммериец, — иди пока поплавай, ублюдок пегий!

С этими словами он схватил Дархуна за шиворот, как нащодившего кота, и бросил в

отверстие люка.

— А-а-а! — гулко разнесся под сводами прощальный вопль незадачливого камнеторговца.

Раздался громкий всплеск, потом долго слышались бульканье и какие-то вскрики. Варвар не обращал на них внимания — с пегим козлом было покончено, и теперь он занимался куда более важным делом: исследовал содержимое принесенной им корзины.

— Опять эти бобы! Ну надо же быть таким жадиной, Нергал его возьми! — выругался киммериец, но к завтраку тем не менее приступил.

* * *

Утро было достаточно прохладным, и варвар поеживался: вся его одежда осталась на дне пещеры. Запив треклятые бобы водой — сегодня жадный Дархун поскупился на вино, — Конан решил поискать что-нибудь для прикрытия наготы, хотя заранее предполагал, что попытка эта вряд ли окажется удачной: заморийцы ведь такие мелкие!

Он заглянул в сундук, стоявший рядом с тем, где была спрятана рукоятка приводного механизма люка, однако там оказались только добытые им самим камни. «Повезло, хвала Митре! Хоть не с пустыми руками уйду, — отметил он про себя. — Даром, что ли, я горбатился в этом вонючем подземелье столько дней?!»

Во дворе хлопнула калитка. Мягко ступая, варвар осторожно подошел к двери и одним глазом выглянул наружу. Весело напевая, к дому приближался Герат. «А ведь он-то почти с меня ростом и крепкий, — мелькнуло в голове киммерийца, — вот и одежонкой кое-какой разживусь. Не иди же голым по городу!»

Продолжая мурлыкать себе под нос, ничего не подозревающий Косой вошел в сарай. Удар, который нанес ему варвар кулаком под ребро, мог бы свалить и быка. А поскольку Герат все же несколько уступал статью этому животному, то рухнул как подкошенный, даже не издав ни звука и уж, конечно, так и не узнав, что послужило причиной окончания его жизненного пути.

Конан снял с Герата новенькие зеленые шаровары и потертую безрукавку — хотя турец и превосходил ростом жителей Заморы, варвар с трудом в них втиснулся. Штаны были чуть пониже колен, а безрукавка не доходила до пояса, так что наряд киммерийца скорее напоминал одеяние танцовщицы; однако чтобы пройтись по утреннему городу этого было достаточно.

Киммериец отправил Косого Герата к подельнику. Послышался глухой всплеск, и вода, чуть поколебавшись, успокоилась. Варвар закрыл люк и придвинул на него второй сундук.

— Поплавайте, приятели, освежитесь!

Он взял мешок Герата, вытряхнул оттуда воровские пожитки и положил свой голубой самоцвет. Закинув мешок за спину, он в последний раз оглянулся на пустынный двор и вышел на улицу. Проходя вдоль забора, за которым видел бассейн с плавающими прелестницами, он услышал шум и возбужденные голоса. Варвар позволил себе проявить любопытство и заглянул через ограду.

Сначала он не поверил глазам. Где же бассейн? Вместо сверкающей глади голубоватой

воды он увидел пустое, выложенное мраморными плитами пространство, на краю которого стояли несколько человек. Один из них — по-видимому, хозяин — что-то сердито говорил толстому седовласому слуге или управляющему. Тот испуганно и с недоумением оглядывался по сторонам, разводя руками.

«Бассейн! — осенило Конана. — Вот, значит, почему было столько воды и хлестала она с такой силой!»

Он спрыгнул на дорогу, подхватил мешок и отправился к Ши Шеламу. Этот шельмec должен удачно сбыть ладжауровый камень. Хватит и выпить, и закусить — причем не один раз.

— Но чтобы я когда-нибудь еще клюнул на сказки этих шадизарцев? — Конан до боли в суставах сжал кулак. — Нет! Хватит с меня! Клянусь Кромом, впредь никогда не буду таким доверчивым...

Киммериец представил себе дно пещерки с белеющими костями, и его передернуло. Впрочем, начавшееся утро, ласковые лучи еще нежаркого солнца, прохладная тень чинар, гомон птиц — все это не располагало к мрачным воспоминаниям. Все кончилось благополучно, и ладно, слава Солнцеликому Митре!

Конан глубоко вздохнул и широкими упругими шагами по знакомым проулкам направился в Пустыньку. День только начинался, и впереди ждало много дел.